

Холмы священные поэта

Свою книгу поэт Сергей Овчаренко назвал «Журавлиное счастье войны». На первый взгляд, слова «война» и «счастье» несовместимы. И для меня, родившегося в октябре рокового 1941-го, в самом начале войны, видевшего (пусть по-детски), чем жила послевоенная страна, слышавшего рассказы уцелевших очевидцев, название сборника стихов показалось странным. Как раз перед этим на глаза попались строчки фронтového поэта Иосифа Уткина:

Когда я вижу, как убитый
Сосед мой падает в бою,
Я помню не его обиды,
Я помню всю его семью.
Мне представляется невольно
Его обманчивый уют.
Он мёртв уже. Ему не больно.
А их ещё... письмом убьют.

Сильно сказано. И прямо из окопа. А тут вдруг «Журавлиное счастье войны»... Но после того, как я прочитал ключевое стихотворение о фронтовых треугольных письмах-журавликах, сборник мне уже не виделся под другим названием.

Помню послевоенный быт уцелевших семей. Когда по вечерам собирались все соседи на посиделки, часто всплывала тема писем. И те, кто не дождался своих, перечитывали каждую строчку, желая найти что-то ранее ускользнувшее. Читали и словно мысленно встречались с ушедшими... Так было.

И вдруг поэт, родившийся после войны, написал стихи на военную тему. Для меня осталось загадкой, как он смог в тончайших полутонах, на высоком накале, потрясающе точно и лаконично передать чувства тех, кто воевал.

Перед атакой

Вспыхнет мертвенным светом ракета,
И, сгорая,
опустится в грязь...
Взвод броска ждёт за час до рассвета,
Незнакомому богу молясь.

Ветерок обдувает нам лица,
По-весеннему дерзок и свеж,
Двести метров ничейной землицы —
Между жизнью и смертью рубеж.

Ощетинившись, в дымке чернеют
Пулемётные гнёзда и рвы...
Нас немного дойдёт до траншеи,
Остальные погибнут. Увы!

Коль от пуль не укроют шинельки,
Не прорвёмся сквозь сотню смертей
Ты нас примешь,
родная земелька,
Не дошедших лишь шаг сыновей.

И подложишь под головы травы,
Как душисты они и легки,
Мягко, нежным движением мамы
Оботрёшь нам от крови виски.

Пусть из крови той вырастут маки,
В их пожаре сгорит лютый враг...
Взвод готов по сигналу к атаке
Сделать первый в бессмертие шаг.

* * *

Мы звереем, идя в штыковую,
Кровь, вскипая, стучится в виски...
Не сдаются враги ни в какую?
Будем бить их и рвать на куски.

Наконец-то пришёл день расплаты,
Не спастись им, идём мы «на вы»
За страну, за сожжённые хаты,
За телами забытые рвы.

Рядом с нами — убитая юность
И распятая в муках любовь.
За друзей, что вчера не вернулись,
В душах наших застывшая боль.

Книга получилась. Она, написанная искренне и талантливо, не только для тех, кто помнит холодный восторг эмали на орденах и приятную тяжесть отцовских медалей, но и для нового, молодого поколения.

Владимир ПРЕДАТЬКО
член Межрегионального
союза писателей Украины
Северодонецк

«...Когда оный сын или дочь спросит отца своего или мать, что значат эти малые безмолвные холмы, окружающие город наш, они скажут им: о, не проходите мимо холмов сих, не обнажив головы и не сотворив знамения крестного! Это холмы священные; в них лежат кости воинов, павших за град наш в кровавой борьбе с иноплемениками, когда они, пришед из отдалённых стран, хотели утвердить своё владычество в стране нашей...» (Из речи, произнесённой 5 февраля 1857 года протоиереем С.Шкуропатским при поминовении воинов, павших под стенами Евпатории)

Вот нас сколько встаёт из траншеи
До победного драться конца,
Холодок ощущая на шее
От скользящего мимо свинца.

Человечность отложим до срока,
Только ярость на острых штыхах...
Ну а книжки любимого Блока
Пусть побудут пока в вещмешках.

Лишь в часы небольших передышек
Из солдат и сержантов лихих
Превращаемся снова в мальчишек
И читаем друг другу стихи.

И ночами о доме тоскуем,
Но тоску спрятав в детские сны,
Мы звереем,
идя в штыковую
По суровым законам войны.

Видение

Валерию Субботенко

Солдат упал на поле брани,
в атаке пульей вражьей сбит,
успев подумать:
— Снова ранен...
Но оказалось, что убит.

И в миг, когда свой путь итожа,
к земле раскишей он приник,
случилось чудо: Мать Божья
ему явила светлый лик.

Не зная матери с рожденья,
он узнавал её черты...
Легли под тихое моление
на лоб прохладные персты.

Я очень хорошо помню своих соседей: дядю Васю, дядю Володю и других. Это были обычные мужики, работающие и не очень, в меру пьющие, играющие в домино. В общем, живущие обывательской жизнью. Но наступал день, когда они вместо кургузых пиджачков и ковбоек надевали старые гимнастёрки и бушлаты с орденами и медалями, с красными и золотыми нашивками за ранения, и мы понимали, что рядом с нами живут настоящие герои.

Я помню маленький кинотеатр на соседней улице, где шли дневные сеансы, и куда мы с мальчишками бегали смотреть фильм «Звезда» с Крючковым и Меркурьевым, снятый по повести Эммануила Казакевича. Разведгруппа с позывным «Звезда» уходила на задание в тыл врага, выполняла его и героически погибала. Банальная военная история, а мы ходили на фильм снова и снова, надеясь, что уж в этот раз они точно останутся в живых.

Я смотрю на фронтовую карточку отца, вспоминаю его немногочисленные рассказы и понимаю, что не мог не написать эту книгу.

Она живёт своей жизнью. У неё — свои успехи и потери. Мы радовались, когда заметка о выходе книги помогла Володе Предатько найти родственников, о существовании которых он даже не подозревал. Они впервые встретились в мае 2010 года в Евпатории. Мы скорбим о поэте и барде Андрее Ширяеве, погибшем в августе 2014 года под артиллерийским обстрелом в Луганске. Это в его аранжировке звучат песни на диске. Вечная ему память!

Пять лет назад, работая над первым изданием этой книги, никто не мог подумать, что на Украине вспыхнет гражданская война, что на многострадальной донецкой и луганской земле прольётся кровь и погибнут мирные люди. Я всей душой с ними. Они восстали против неонацистов, встали на защиту своего дома, своего Отечества. Ведь это слово для них, как и для меня, не пустой звук

Как бы ни пытались принизить подвиг советского солдата, стереть само понятие Отечественной войны, для нас она всегда будет таковой. И День Великой Победы будет всегда отмечаться по всей земле как самый светлый праздник

На столе передо мной лежит орден «Красной Звезды», который под Прохоровкой принял на себя осколок и спас отца, а значит, и меня. Глядя на него, я думаю о тонкой нити, на которой держится человеческая жизнь. Как же тонка и нить памяти, соединяющая нас, живых, с ними, ушедшими, подарившими нам мирное небо над головой. Мы будем бережно хранить память о них, оставаясь поэтому людьми, иванами, помнящими своё родство.

Сергей ОВЧАРЕНКО

И хранится в углу за иконой,
Над лампадкой (нет места светлей!)
Вместе с мужниной похоронкою
Фотография двух сыновей.

Охрани же сынов, Богородица!
Дай им силу родимой земли
Сделай так, чтоб, как истари водится,
Возвратились домой журавли.

* * *

В дождь и снег, без жалобы и стона
Тосковавшим без вестей дворам
Разносили в сумках почталыоны
Горе и надежду пополам.

Мерили ногами километры,
Жизней груз тащили на ремне,
Верили, что не до геометрий
В этой затянувшейся войне.

Формула ж простая, случай частный,
Выведена раньше всех побед:
Треугольник —
это символ счастья,
А прямоугольник — символ бед.

Почталыону — ругань и улыбка,
Самогон да из крапивы щи...
— Нет письма? А, может быть, ошибка?
В сумке хорошенько поищи!

Радовались письмам треугольным,
Плакали от строчек дорогих
И твердили родичам довольно:
— Слава Богу, жив! Хоть без ноги!

Текст подслеповатый из конвертов
Сразу бил наотмашь да под дых:
«Муж ваш... Сын ваш... Брат...
Героической смертью...»
Больше не увидите вы их...

Почталыонша шла по льдинкам тонким,
О злодейке думая судьбе...
Год назад такие похоронки
Дважды принесла сама себе